

РОССИЯ И НОРВЕГИЯ

В. Т. Гортер, Т. С. Минаева

ОСВОЕНИЕ ПОМОРАМИ СЕВЕРНОГО ШПИЦБЕРГЕНА В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Памятники поморской промысловой культуры на Шпицбергене являются отражением сложного и длительного процесса освоения русскими людьми арктических территорий и выражением единства духовных и природных ценностей, носителями которых были представители поморского населения, проживавшие на побережье Белого моря и занимавшиеся морскими промыслами.

Шпицберген в XVIII–XIX веках являлся традиционной зоной промыслов поморов, где они охотились и добывали морского зверя. Норвегия сегодня обладает суверенитетом над этим районом на основе Договора о Шпицбергене и острове Медвежий (Шпицбергенского трактата) 1920 года. Совместными норвежско-российскими усилиями на островах архипелага выявлено и зарегистрировано около 80 поморских промысловых поселений. С российской стороны большая исследовательская работа по изучению истории освоения Шпицбергена была проведена археологическими экспедициями Академии наук во главе с В.Ф. Старковым. Поморский музей Баренцбурга и его фонды — результат этих экспедиций. Сопоставимое исследование было проведено норвежской стороной — Музеем Университета Тромсё, конторой губернатора Шпицбергена и учеными из некоторых других норвежских институтов. Фонды Музея Шпицбергена содержат экспонаты, найденные в ходе этих экспедиций и исследований В.Ф. Старкова. Дополнительные коллекции вещественных и письменных источников о поморских промыслах на Шпицбергене находятся в Музеях города Тромсё, норвежском Полярном институте и также в Архиве шведской Академии наук в Стокгольме. Ответственность за сохранность недвижимых исторических памятников возложена на губернаторскую службу

Шпицбергена. Забота о движимых культурных объектах и документации передана Музеем Шпицбергена вместе с техническим куратором музея, находящимся на службе у губернатора.

Из всех известных нам поморских поселений на островах архипелага большая часть располагалась на юго-западном побережье Западного Шпицбергена, и только 12 из них были основаны на севере. Именно здесь, на самых северных берегах островов Западный Шпицберген и Северо-Восточная Земля, было найдено несколько последних, все еще существующих поморских промысловых строений. Эти поселения (в Реквике или Руссеви́ке, Дирксодене и Елветангене) являлись частью комплексной поморской промысловой системы.

Поморские промысловые поселения не были однородными по составу. Поблизости от места высадки на берег охотники ставили большую стантовую избу, размер которой зависел от количества промысловиков и их экономических возможностей. Площадь такой избы составляла не менее 20 кв. м. Рядом могли располагаться меньшие по размеру строения. В комплексе таких поселений обычно присутствуют деревянные кресты и/или захоронения. Другую группу поселений составляют небольшие (до 15 кв. м) промысловые избушки, или «станки», возле которых, как правило, не было крестов или захоронений. В зимнее время охотники расходились по этим избушкам, расположенным на расстоянии от 20 до 100 верст от становой избы, для охоты на песцов и оленей и собирались вместе вновь только весной. Становые избы на Шпицбергене не сохранились до наших дней, найденные в Реквике, Дирксодене и Елветангене жилища представляют собой «станки».

Жилищно-хозяйственный комплекс в Реквике состоял из жилого отапливаемого помещения, рядом с которым находилось деревянное строение со стенами, но без крыши, возможно, покрывавшееся парусом, для наружных работ и хранения добычи, и возле него была построена маленькая деревянная баня. Общая площадь такого комплекса — примерно 35 кв. м.

Постройки в Елветангене и Дирксодене, на двух противоположных сторонах Видьефьорда, представляли собой двухчастные строения. В лучшем состоянии находится жилище в Дирксодене, его крыша сохранялась до начала 1990-х, но была разрушена штормом в 1994 году. Жилище было восстановлено службой губернатора в 1999 году. Как правило, «станки» имели довольно плоские крыши из прочных досок, которые засыпались песком и камнями для изоляции. Зимой, иногда не один раз в неделю, после сильной метели промышленникам приходилось выбираться наружу из своей

избушки через дымовое отверстие, взбираться на крышу и разгребать снег у жилища. Постройка в Елветангене, напротив Дирксодена, не восстановлена и не укреплена, некоторые стены отсутствуют. Она нуждается в срочной консервации и реставрации.

Поморские жилища в Реквике, Елветангене и Дирксодене — это остатки не только самых северных поморских промысловых становищ, но и самые старые сохранившиеся постройки на Шпицбергене! Все этим жилища, вероятно, были построены в конце XVIII столетия. Шведская экспедиция под руководством О. Торелля, посетившая в 1861 году покинутое поморами становище в Дирксодене, нашла в жилом помещении скамью с вырезанной датой «1839»¹. На стене постройки в Реквике процарапана дата «1850», но при раскопках бани археологи нашли ложку и топор, датированные В.Ф. Старковым концом XVIII века.

Использование старого сплавного леса при строительстве становищ делает датировку проблематичной. Поморы часто брали с собой на Шпицберген готовые деревянные конструкции срубов и иногда даже дрова, использовали части старых или разбитых судов и плавник. Инструменты, найденные на месте, могли бы помочь в определении времени появления становищ, но они, возможно, были сделаны задолго до отправления поморов на Шпицберген и применялись в жизни уже не одного поколения.

Все три поморских жилища использовались норвежцами и после того, как они в 1820-х годах начали свои промысловые зимовки на Шпицбергене с помощью поморских проводников. Торговля поморов с Северной Норвегией стимулировала такие контакты. К тому же архипелаг Шпицберген был к тому времени официально известен как «ничья земля»!

Первоначально норвежцы жили в русских жилищах, затем их расширяли или многократно использовали, пока строения не обрушивались. Поморские становища на севере Шпицбергена были наиболее «новыми», построены одними из последних, и арктический сухой климат помог сохранить всевозможные культурные элементы в этом месте лучше, чем на остальной части архипелага. В 1898 году шведский ученый В. Карлхейм-Гюлленшёльд в жилище в Мёрчисон-фьорде на Северо-Восточной Земле² нашел просмоленные веревки, вязаную шерстяную шапку, кожаную рукавицу, вырезанные деревянные календари и т.д. Календарь из жилища в Дирксодене показал, например, что в один сезон в XIX столетии поморские охотники провели там 26 недель.

Имеющиеся исторические материалы — записки путешественников, результаты научных экспедиций, норвежские и русские архивные докумен-

ты — свидетельствуют, что поморские промыслы на Шпицбергене прекратились в основном в середине XIX столетия.

Хотя в литературе и упоминается, что в наиболее развитый период этой арктической охоты — в конце 1790-х годов — до 270 поморских судов и 2256 российских промышленников в год приходили на архипелаг Шпицберген, эти данные можно поставить под сомнение³. Согласно спискам, составленным арктическим исследователем В.А. Русановым, и документам Государственного архива Архангельской области в 1797–1799 годах на Шпицбергене в общей сложности побывало только 17 поморских судов с 273 промышленниками⁴.

В то время как в конце XVIII столетия ежегодно 6–8 поморских судов (с командой из 12–19 человек) посещали Шпицберген, их число стало сокращаться в годы континентальной блокады Англии, когда английская эскадра начала разорять поморские становища в северных морях и захватывать поморские суда. Особенно сильно в эти годы пострадала Беломорская акционерная компания, занимавшаяся промысловой деятельностью не только в Белом море, но и на Шпицбергене. После ликвидации Беломорской компании в 1813 году организацией промысловых экспедиций на острова архипелага занимались в основном частные лица. Большинство купцов считало, что эти предприятия являются слишком опасным и дорогим занятием. Появились также трудности, связанные с поиском желающих отправиться на дальние промыслы. Команды стали набирать не только из жителей поморских селений, имевших промысловый опыт, но и отставных солдат и горожан. Однако проблемы дальнейшего ведения промысла на Шпицбергене возникали не только из-за сложностей финансирования, вербовки команд и увеличения торговли с Норвегией, что давало возможность получения прибыли другим путем. Еще одна причина заключалась в том, что такие зимовки, как правило, были слишком суровыми, чтобы находиться там в течение года без перерыва. Опытные промышленники обычно проводили на архипелаге Шпицберген каждый второй год, редкие кормщики совершали плавания ежегодно. Промышленники из Архангельска, Кемь, Мезени, Онеги и других мест, расположенных по берегу Белого моря, отправлялись на Шпицберген на летние и зимние промыслы и, как следует из их прошений на отпуск хлебных и других припасов, часто сами не знали, успеют ли они вернуться осенью до наступления заморозков или останутся зимовать. На летние промыслы отправлялись, как правило, в начале июня и возвращались в августе или сентябре того же года. На зимние промыслы уходили в июле и возвращались домой в августе–сентябре следующего

года. Путь на Шпицберген из Архангельска занимал до 50 дней в зависимости от погодных условий и длительности остановок по дороге к островам архипелага. Прибыв на Шпицберген и разгрузив припасы в стантовую избу, поморы уходили на заготовку мяса — добычу оленей. В осеннее и весеннее время охотились на суше еще и на белого медведя, а на море — на морского зверя: моржей, тюленей и белух.

С конца октября солнце на Шпицбергене уходило за горизонт и показывалось только в конце января — начале февраля, зима сопровождалась сильными снежными выюгами. В темные зимние месяцы промышленники распределялись малыми партиями по «станкам», занимаясь, как правило, охотой на песцов. В главной избе оставался один-два человека для присмотра за судном. В это время года промышленников «подстергала» цинга, от которой спасались хвойным настоем, морошкой, особым видом мха, который собирали до выпадения снега. Иногда никакие средства не помогали, и тогда заболевших лечили особым способом. Ослабевшего охотника привязывали за руки к середине жерди, двое других промышленников брали концы жерди к себе на плечи и бежали, заставляя заболевшего двигаться, после нескольких таких пробежек удавалось в буквальном смысле слова «поставить человека на ноги». Другой вариант лечения — больного 3–4 раза сбрасывали с утеса в снег, если ему удавалось выбраться из снега наверх, то он постепенно выздоравливал⁵. С зимовок возвращались не все охотники, часть погибала в море, во время охоты, из-за болезней, в том числе цинги. В 1820 году норвежцы нашли в русском становище в Хорнсунде на юге Западного Шпицбергена ящик, в котором было десять мертвых тел, частично растерзанных медведями, а в избе лежали еще три умерших промышленника. В 1837 году в становище у Южного мыса умерли 22 русских зимовщика, а в следующем году на одном из Тысячи островов — 18⁶.

Когда наступала весна, все промышленники со своей зимней добычей опять собирались из разных мест в общую стантовую избу. При благоприятных условиях, когда хватало сил для организации зверобойного промысла, вновь уходили в море для добычи морских животных, а потом, в середине лета, нагрузив добычей лодью, отправлялись домой.

В начале 1850-х годов произошло два трагических случая в ходе зимовок поморов на Шпицбергене. В 1851 году промысловая экспедиция крестьянина Кемского уезда Ивана Гвоздарёва закончилась многочисленными убийствами ее членов. Только трое возвратились живыми, остальные шесть членов команды и кормщик были убиты⁷. Подобные трагические происшествия отбивали у русских купцов желание организовывать промысловые

экспедиции, а у официальных властей — поддерживать дальнейшее существование шпицбергенских промыслов и проекты по их сохранению и развитию.

Как минимум еще одна трагедия произошла в том же 1851 году с экспедицией, организованной купцом Козьмой Кузнецовым из Архангельска. Умерли от цинги 12 из 18 членов экспедиции. Они доплыли от Архангельска до Шпицбергена только за 10 дней, но потратили 11 дней на то, чтобы добраться до берега, из-за тумана и льда, которые вынудили их высадиться на севере архипелага. Там они обосновались в пяти стоявших на берегу промысловых избах, расположенных друг от друга на расстоянии ста верст. Экспедиция Козьмы Кузнецова, несомненно, использовала все три промысловых жилища в Реквике, Дирксодене и Елветангене, которые мы упоминали, и еще одно на Северо-Восточной Земле (Нордре Русёя в Мёрчисонфьорде на Северо-Восточной Земле, фьорде, ранее названном норвежскими промышленниками «Русский залив» (Russefjorden)). Пятая изба, возможно, была расположена недалеко от мыса Ауствьорд, где в настоящее время находится последнее норвежское промысловое жилище.

Охотники были разделены по жилищам на маленькие группы (по нескольким человек) в течение осени 1851 года и весной—летом 1852 года, в то время как перезимовали они вместе на основной базе на западной стороне небольшой реки в бухте Литл Ред, на севере Западного Шпицбергена. Поклонный крест с этого поселения сохранился в норвежском музее Шпицбергена.

Подобные промысловые экспедиции были дорогими авантюрами для купцов, так как обычно только каждая вторая или третья экспедиция давала в результате существенную прибыль. Если предприятие проходило успешно, оно приносило хозяину, снарядившему судно, в начале XIX века от 1 до 4 тыс. руб. дохода, а в середине XIX века — до 50 тыс. руб., но при крушении судна или гибели экспедиции хозяин терпел убытки от 5 до 10 тыс. руб.⁸

Рядовые участники экспедиции получали в среднем 30–40 руб. в начале XIX века и до 200 руб. — в середине столетия, когда стали возникать трудности при наборе команды. Однако по возвращении домой некоторые «груманланы» проматывали с трудом заработанные деньги за две недели⁹. По причине большого риска и роста расходов на организацию промысла архангельские купцы постепенно стали от него отказываться.

Постепенное сокращение поморских промыслов на Шпицбергене происходило также из-за уменьшения численности моржей, которые быстро истреблялись в результате конкуренции с норвежской стороной. Ранее по-

моры могли охотиться на моржей только на некоторых лежбищах и затем оставлять эти места на определенное время для увеличения здесь численности животных. Теперь эта комплексная система зверобойного поморского промысла была фактически уничтожена в ходе хаотичной конкуренции. Поморы стали замечать, что на Шпицбергене моржи гораздо мельче по размерам, чем на Тиманском берегу или Новой Земле, поэтому прекратили поездки на Шпицберген и перенесли промысел на новые территории.

На Шпицбергене сохранились не только промысловые жилища поморов. Символами поморской духовной культуры на Шпицбергене служат поклонные кресты. О существовании некоторых из них мы знаем только по запискам путешественников и членов научных экспедиций XVIII–XIX веков. Кресты могли использоваться как дрова и строительный материал норвежскими промышленниками, появившимися на архипелаге позднее поморов. Культовые памятники разрушались белыми медведями или просто уничтожались людьми в разное время. Некоторые кресты обветшали и упали, поэтому в XX веке регистрировались археологами уже в таком виде, как, например, крест в Бельсунде на южном побережье Шпицбергена.

Судя по литературным источникам и археологическим исследованиям, поморские промысловые кресты представляли собой массивные сооружения из дерева высотой 4–6 м. Кресты вкапывались в грунт там, где это было возможно, на глубину до 1 м, и укреплялись камнями. На поверхности земли кресты дополнительно обносились срубами, заполненными камнями, или каменными пирамидками у их основания.

В иностранной литературе можно встретить только описания и зарисовки крестов без попыток их классификации. В русскоязычной литературе, кроме описаний, превалирует мнение о полифункциональном назначении поморских крестов на Шпицбергене, которые а) использовались для совершения православных культовых обрядов; б) играли роль оберегов; в) ставились в качестве благодарности богу за избавление от опасности; г) являлись навигационными знаками и путевыми указателями; д) отмечали место гибели или захоронения; е) представляли собой маркировочные знаки, закреплявшие промысловые участки за отдельными кормщиками или организаторами промысловых экспедиций.

Говоря о функциях деревянных крестов на Шпицбергене, прежде всего хотелось бы отметить, что все эти функции, вместе взятые, не могли быть присущи всем крестам. Крест, вероятно, мог обладать одной или несколькими функциями, при доминировании его культового назначения. Чтобы

определить тип креста и его функции, необходимо иметь сведения о надписи на кресте, точно знать его расположение на местности, взаимосвязь с жилыми постройками и погребениями. Большинство известных по запискам путешественников крестов не сохранилось, от некоторых остались только основания. Но только на Северо-Восточной Земле (в «Русском фьорде», Мёрчисон-фьорде) поморские кресты все еще стоят. Представители норвежской стороны (в том числе В. Т. Гортер) осмотрели эти кресты в сентябре 2009 года, составили их описание и с помощью шведских архивных материалов смогли восстановить их полустертые тексты и символы. Один крест, высотой 4 метра, стоит на Нордре Руссёя (Северном Русском острове) в Мёрчисон-фьорде и обозначает с другим разрушенным крестом место, благоприятное для высадки на берег, которое трудно увидеть с моря. Этот крест был украшен маленькой медной иконкой того же типа, который носили поморы-староверы. Такие изображения найдены во многих местах и захоронениях на Шпицбергене. Среди промысловиков было много старообрядцев. Уходя на дальний промысел, они могли соблюдать свои религиозные обычаи, не боясь осуждения или преследования властей. Даниловский старообрядческий скит в Кемском уезде регулярно посылал на Шпицберген до трех экспедиций в год. Официальные меры, принятые для закрытия этого скита в 1853–1855 годах, также повлияли на сокращение русских промыслов на островах архипелага. Другой сохранившийся поклонный крест, имеющий аналогичную высоту, но более устойчивый, зафиксирован на Кроссёя (Крестовом острове).

В обоих случаях своим расположением и направлением поперечных перекадин кресты более или менее точно указывают на север и юг. Между указанными островами, Нордре Руссёя и Кроссёя, море очень мелкое и несудоходное. Кроме обозначения этой области, поклонные кресты дают четкие указания компаса и показывают морякам, знакомым с их положениями, как сюда пройти. Крест на Кроссёя, вероятно, был частью комплекса из трех крестов, возможно, двух комплексов из трех крестов — как традиционный поморский навигационный знак для поворота, ведущего в данном случае в свободный от мелей проход прямо к главному поселению в Русселагуна (Русской лагуне) на Сторе Руссёя (Большом Русском острове). Так же как, например, каждый из 4-метровых поклонных поморских крестов в устье реки Койда указывал поворот налево и вход в речную протоку до деревни с одноименным названием.

Норвежское исследование, проведенное в сентябре 2009 года, доказало, что и другие кресты, которые стояли около сохранившегося поклонного

креста на Крестовом острове, четко обозначали север и юг: внушительная каменная масса все еще показывает их положение на берегу.

Поклонные кресты на каждой стороне упомянутого островного побережья не только обозначали его, но и несли информацию об охотничьей избе на Нордре Руссёя, расположенной позади все еще стоящего там креста. Изба не просматривалась с моря, потому что размещалась позади горной возвышенности, защищавшей ее от северо-западных ветров, которые дуют здесь постоянно.

Промышленники в ходе плавания часто сталкивались с трудностями (штормами, льдами), поэтому водружение на архипелаге крестов могло быть связано с желанием поблагодарить Бога за спасение (обетные, благодарственные) и освятить новое место промысла, помолиться и пообщаться с Богом (поклонные). Такого типа кресты защищали поморов и от злых сил. Даже в XIX веке промышленники, прибывавшие на южный берег, жертвовали первого убитого оленя-самца злomu духу гор, которого называли Грумантским псом и очень боялись. Верили поморы и в старуху-цингу с 11 сестрами, которые принимали образы красивых девушек и очаровывали их, погружая в сон¹⁰.

Версии о маркировке с помощью деревянных крестов промысловых участков достаточно сомнительны, так как выстраиваются без учета исторических традиций северных промыслов. Во-первых, имена и инициалы на крестах отмечались в случае гибели этих людей или водружения обетного или благодарственного креста от имени конкретного промышленника или кормщика, руководившего плаванием. Во-вторых, в традициях поморских зверобойных промыслов считалось нормой, а не исключением возводить жилища, которыми после ухода промышленников мог воспользоваться любой охотник или экспедиция в случае нужды. Например, поморы из экспедиции К. Кузнецова, высадившись на незнакомом берегу, пошли искать избушки, где они могли бы остановиться, так как знали о такой возможности. Подробно эту традицию описывал в середине XIX века С.В. Максимов: «Не хороши избушки складом и видом — хороши обычаем: не у всякой хозяин есть; не надо стучаться и спрашиваться. Их и не запирают... На Колгуеве, на Новой Земле, на Шпицбергене такие убежища тоже построены давно, но кто их строил и из какого леса — никому не известно»¹¹. В-третьих, в различных документах ГААО, связанных с описанием шпицбергенских промыслов, не встречается упоминания о каких-то конкретных участках, куда отправлялись промышленники, поэтому бывает трудно определить, когда и кто посещал различные становища или был там похо-

ронен. Но в то же время в «Атласе Архангельской губернии с топографическими, историческими, экономическими и камеральными описаниями» 1797 года в разделе о звериных промыслах сообщается, что «кто не имеет на Новой Земле или на Груманте изб в прежних становищах, то привозят оныя с собою»¹². Следовательно, в уже основанные становища могли приезжать и новые промысловые экспедиции, привозя с собой избы или материал для них. Впервые прибывшие на незнакомые берега промышленники могли возводить новые деревянные кресты возле уже поставленных в прежние годы. Вывод об отсутствии, как правило, постоянных владельцев становищ на Мурмане и арктических архипелагах сделали в результате своего полевого исследования участники Морской Арктической комплексной экспедиции Института природного и культурного наследия в 1999–2000 годах¹³. Таким образом, маловероятно, что деревянные кресты маркировали на Шпицбергене чьи-то промысловые участки. Скорее всего, в этом контексте они могли выполнять функцию опознавательных знаков для кормщиков, ведущих судно к той бухте, где он уже бывал раньше.

Все стоящие в северной части архипелага поклонные кресты и жилища поморов относятся, вероятно, к концу XVIII — первой половине XIX века. Поселения и промысловые территории поморов располагались здесь вдоль 80 градуса северной широты. В этом месте холодные ветры, дующие со Шпицбергена, встречаются с теплым течением Гольфстрима, что создает комбинацию воздушного и водного потоков и поддерживает участок моря на всем протяжении 80 градуса северной широты в основном свободным ото льда в течение всего зимнего времени, что позволяло вести промысел до наступления полярной ночи и вновь начинать его ранней весной.

Придерживаясь 80-й широты, поморы также могли быть более или менее уверены в возможности возвращения домой, в стантовую избу, после выхода в море.

В ходе последнего активного периода поморского промысла на Шпицбергене во второй половине XVIII века численность моржа сильно сократилась. Побережье архипелага даже сегодня омрачено остатками тысяч черепов моржей, что особенно заметно на о. Эдж. После массового истребления большинство морских животных можно было найти только на севере Шпицбергена и Северо-Восточной Земле. Главная причина перемещения промысла на север как раз и заключалась в том, что для поморов клыки моржей были самой дорогостоящей арктической добычей, которую они могли получить. Моржовый клык был более ценным, чем бивень слона, так как он со временем не желтел. По этой причине такие монастыри, как

Соловецкий на Белом море и Даниловский старообрядческий монастырь возле Кеми постоянно до начала XIX века организовывали промысловые экспедиции на Шпицберген, чтобы обеспечить себя материалом для резьбы из кости икон и предметов культа. Песцовые и медвежьи шкуры, гагачий пух и т.д. стояли на втором и третьем месте. В конце XVIII — середине XIX века моржовый клык продавался в Архангельске по 12–16 руб. за пуд¹⁴.

Известно, что норвежцы также были заинтересованы, прежде всего, в охоте на моржа на Шпицбергене, и, например, в течение 1830–1834 годов 88 судов из Хаммерфеста добыли 7322 моржа. В августе 1852 года четыре промысловых норвежских судна убили 900 моржей за один день¹⁵. Резкое увеличение добычи моржа на Шпицбергене закономерно вело к сокращению популяции морских животных и к ухудшению условий зверобойного промысла и его результатов.

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что поморская торговля с Северной Норвегией, благодаря которой норвежское население узнало о возможностях промысла на Шпицбергене, привела к прекращению здесь поморского промысла.

Поморские экспедиции прекратились, потому что норвежское вмешательство привело к полному слому промысловых стратегий и резкому сокращению прибыли. Следовательно, эти экспедиции больше не были выгодны, и промысловые традиции вымирали вместе с ними. Как писал мезенский городничий в Архангельское губернское правление в 1830 году, «хозяев, которые прежде отпускали бы туда суда, нет в живых»¹⁶.

Кроме того, поморы с побережья Белого моря всегда на несколько месяцев запаздывали в эти охотничьи угодья из-за позднего вскрытия льда в Белом море. Эта же ситуация повторялась осенью, когда существовала опасность не прибыть в Архангельск вовремя до замерзания Северной Двины. Для судов из Норвегии не существовало таких проблем, а русские жители Мурманского берега не имели подобных традиций и сконцентрировались на ловле трески, сайды и сельди.

Поморские промысловые жилища, монументальные кресты, природные территории, где осуществлялся промысел, и ряд других объектов — это части одной экокультурной системы, которая не только сохраняет историю освоения Шпицбергена, но и уникальным образом отражает единство и взаимодействие духовных и природных ценностей на русском–норвежском Севере!

Международные усилия должны быть направлены на сохранение этих историко-культурных объектов. Особое внимание необходимо уделить их

дальнейшей документации, изучению и сохранению духовных и материальных памятников. Для реализации этих целей требуется прежде всего постоянное российско-норвежское сотрудничество, основанное на понимании исторической значимости сохранившихся памятников поморской промысловой культуры и осознании тесной взаимосвязи исторического развития Севера России и Норвегии.

* * *

¹ *Chydenius K.* Svenska expeditionen till Spitsbergen år 1861 under ledning af Otto Torell. Stockholm, 1865. S. 311.

² *Carlheim-Gyllensköld V.* På åttonde breddgraden. Stockholm, 1900. S. 176.

³ *Брейтфус Л.Л.* Морской звериный промысел в Белом море и Северном Ледовитом океане. СПб., 1905. С. 8.

⁴ ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 70, 75, 86; *Русанов В.А.* Статьи, лекции, письма. М.; Л., 1948. С. 282.

⁵ *Харитонов А.* Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене) // Отечественные записки. 1849. Т. LXVI. С. 287.

⁶ *Conway M.* No man's land. Oslo, 1995. P. 269–270; *Визе В.Ю.* Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. 1–3-е изд. М.; Л., 1936–1948. URL: <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=52&t=2021&p=16645> (дата обращения: 16.10.2010).

⁷ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5100.

⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 404. Л. 11–12; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1055. Л. 12–16; Ф. 4. Оп. 9. Д. 89.

⁹ ГААО Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 404. Л. 9 об.; Ф. 4. Оп. 9. Д. 89; *Озерецковский Н.* Описание моржового промысла // Архангельские губернские ведомости. 1846. № 38–40, 42.

¹⁰ *Харитонов А.* Указ. соч. С. 283, 287.

¹¹ *Максимов С.В.* Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 46.

¹² Атлас Архангельской губернии с топографическими, историческими, экономическими и камеральными описаниями. Ч. I: Овсянников О.В. Поморская промысловая «энциклопедия» конца XVIII в. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 80.

¹³ *Филин П.А., Фризин Н.Н.* Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 166–198.

¹⁴ ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 88. Л. 59 об.; *Озерецковский Н.* Указ. соч.

¹⁵ *Conway M.* Op. cit. P. 315–317.

¹⁶ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1055. Л. 12.